

© 2017 г.

П.С. СОРОКИН

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Москва, Россия (psorokin@hse.ru).

Аннотация. Имеются ли у российской социологии особые конкурентные преимущества для укрепления своих позиций на мировой арене в эпоху глобализации науки? В попытке ответа на этот вопрос представлено понимание российской традиции социальной мысли, объединенной ключевыми характеристиками: публичность; морально-этическая заостренность; проблемная ориентация. Некоторые российские социологи склонны воспринимать такие характеристики как препятствия для успешной интеграции в международные научные арены с их более строгими методологическими стандартами. Однако стремление сделать социологию максимально точной наукой, характерное для западного дисциплинарного “мейнстрима”, вызывает все больше сомнений. Названные выше характеристики российской социологической традиции, на наш взгляд, особо значимы для понимания конструктивного ценного вклада, который российская социология может внести в мировую науку, в актуальные проблемы, обсуждаемые с зарубежными коллегами.

Ключевые слова: российская социология • мировая социология • публичная социология • методология социологии • история социологии

Введение. Отечественное профессиональное сообщество остро воспринимает растущую конкуренцию в академической среде на локальном, национальном и глобальном уровнях [Радаев, 2013]. Возникает проблема идентификации: кто такой социолог, что значит быть социологом в России? Что такое социология вообще, и российская социология, в частности? Кажущаяся очевидность подобных вопросов не должна вводить в заблуждение. Одно из свидетельств их актуальности – непрекращающиеся международные дискуссии о природе нашей дисциплины, возникшие после инициации проекта “публичной социологии”, провозглашенного бывшим президентом Американской (позднее – Всемирной) социологической ассоциации М. Буравым [Burawoy, 2005].

Один из возможных способов самоопределения предполагает соотнесение с внешней средой. Для российской социологии в качестве внешней среды (возможно, референтного образца) можно рассмотреть социологию зарубежную, прежде всего, так называемый “мейнстрим”, под которым понимается сообщество специалистов, публикующихся в наиболее престижных международных изданиях по социологии и “задающих” тон на мировой арене для условной периферии, к которой нередко относят Россию. В настоящей работе мы попытаемся представить видение российской социологии “в зеркале” условного “авангарда” зарубежной науки. Прежде всего, нас интересует доминирующий с точки зрения количественных библиометрических показателей западный социологический дискурс, который принято считать преимущественно “англо-саксонским” [Эфендиев и др., 2015].

Внимание к наиболее авторитетным в мировом сообществе площадкам социологического дискурса имеет и практическое основания. Под влиянием усиливающихся общемировых тенденций квантификации академической жизни и преобразования социальной науки в “фабрику” по производству не столько идей, сколько текстов, от научных

и научно-педагогических работников всё настойчивее требуют публикаций в изданиях, индексируемых в престижных международных базах, прежде всего, Scopus и WoS (Web of Science) (Sorokin, 2016a; Valsiner, 2012)). Российские социологи в этом отношении не одиноки: в других странах тенденции аналогичны (см. Vessuri, 2015; Mosbah-Natanson, Gingras, 2014)).

Итак, многие российские ученые сегодня оказываются перед необходимостью искать вход в зарубежный социологический дискурс. Вероятно, еще большее количество коллег (особенно молодых, которым предстоит бороться за “место под солнцем”), столкнется с этой задачей в будущем. Здесь возникает центральный вопрос, рассмотрению которого посвящена настоящая работа: имеется ли в “багаже” российской социологии что-либо (например, подходы, идеи, парадигмы, стилевые особенности, исторический опыт или что-либо другое), что не только ценится в современном международном дискурсе, но и может быть рассмотрено как определенное “конкурентное преимущество”, важный ресурс отечественного социологического сообщества в диалоге с зарубежными коллегами?

Представление о российской социологии в современной зарубежной литературе.

Как показывает анализ литературы [Sorokin, 2015], в современном международном социологическом дискурсе (прежде всего, в англоязычной литературе, индексируемой в Scopus и/или WoS) представление о российской социологии неполно и фрагментарно. С одной стороны, имеется тенденция к восприятию российской социологии как очень молодой, практически зарождающейся дисциплины [Davis, Erofeev, 2011]. Данная тенденция основана на представлениях о необходимости односторонней интеграции российской социологии в мировую науку и приближения практик отечественных исследований к зарубежным стандартам. При этом зачастую современная российская социология рассматривается без связи с наследием советской и досоветской социальной мысли. В результате на российскую социологию и ее представителей зарубежные коллеги смотрят в лучшем случае как на “младших братьев”. К слову, российские социологи нередко отмечают правомерность подобных оценок [Радаев, 2013; Эфендиев и др., 2015; Эфендиев и др., 2016].

С другой стороны, в последнее время в мировой литературе повысился интерес к досоветскому и непосредственно связанному с ним “эмигрантскому” периоду истории российской социологии [Nichols, 2012; Krotov, 2012; Jeffries, 2005]. В первую очередь, интерес зарубежных коллег по понятным причинам привлекает П.А. Сорокин (в 1931–1959 гг. – профессор Гарвардского университета, в 1965 г. – президент Американской Социологической Ассоциации). В частности, в работе Л.Т. Николса [Nichols, 2012] внимательно прослежены связи между российской интеллектуальной культурой и социологией П.А. Сорокина. Автор показывает: на протяжении всей жизни П.А. Сорокин оставался именно российским социологом, даже в американской карьере сохраняя прочную связь с интеллектуальным и духовным наследием российской культуры.

Существенное ограничение представленных в современном дискурсе (зарубежном и российском) работ состоит в том, что авторы практически не пытаются отследить целостность российской традиции социологического знания. Скорее напротив, разные периоды истории российской социологии, как правило, рассматриваются раздельно. Советская социология часто интерпретируется как антагонист по отношению как к досоветской социальной мысли, так и к современной российской социологии [Krotov, 2012; Осипов, 2009]. Отдельные попытки изучить преломление идей отечественных мыслителей прошлого в контексте современных исследований предпринимаются. В частности, Д.В. Ефременко и Я.В. Евсеева на примере традиций изучения солидарности в досоветской России и СССР показывают, что разработки российских социологов могут быть важны для современной мировой мысли социальной науки в контексте возросшего интереса к таким ключевым для отечественной социологической тематике как солидарность, альтруизм, мораль [Efremenko, Evseeva, 2012]. Значительное количество публикаций посвящено релевантности для современной исследовательской практики идей П.А. Сорокина [Тирикьян, 2016; Sorokin, 2016b].

Однако в российском и мировом дискурсе не до конца осознано наличие единой и целостной российской социологической традиции с её уникальными ценными особенностями. Эта традиция рассматривается нами как относительно непрерывно развивающаяся с середины XIX до начала XXI в., с характерной преемственностью разработок ряда идей, подходов и принципов. На наш взгляд, понимание места и роли этой традиции в прошлом и настоящем российской социологии очень важно и для мировой социальной науки. Анализ указанной традиции может поставить вопрос о стратегиях развития российской социологии

в мировом контексте XXI в., ориентированной не столько на максимальное соответствие существующим зарубежным “эталонам”, сколько на разработку и продвижение авторских решений и подходов российских социологов, которые, в свою очередь, с течением времени сами могут стать эталонными для международного сообщества. С этой точки зрения особый интерес представляют достижения российской социологической традиции, осмысленные в контексте трудностей, испытываемых современной мировой социальной наукой. Парадоксальным образом, именно традиционно свойственные российской социологии характеристики, которые, казалось бы, мешают ей интегрироваться в мировую “мейнстрим”, могут оказаться востребованы для преодоления западной социологией текущих кризисных тенденций.

Ниже предлагается характеристика ключевых особенностей российской социологической традиции в контексте проблем, обсуждаемых в современном международном научном сообществе.

Ключевые характеристики и релевантность российской социологической традиции в контексте современных международных дискуссий. Подчеркнем: предлагаемое ниже описание не претендует на исчерпывающий анализ достоинств и проблем всей российской социологии с её полуторавековой историей. Скорее, предлагается такой “образ” отечественной социологической традиции, который наиболее релевантен проблемам, которыми занято зарубежное научное сообщество. Прделанный анализ литературы позволяет предложить разработку вопросов, особо перспективных с точки зрения вклада современных российских социологов в мировую “мейнстрим”.

Мы выделяем три ключевых характеристики российской социологической традиции: (1) *Публичность* (ориентация на внеакадемические аудитории и стремление способствовать изменениям в реальном мире). (2) *Морально-этическая заостренность* (четкое выражение ценностной позиции по изучаемым вопросам общественной жизни, особое значение и глубокая проработка этических вопросов). (3) *Проблемная ориентация* (нацеленность на острые социальные проблемы, когда “практическая актуальность” исследуемого вопроса определяет “метод” в социологическом исследовании).

Публичность. Как показывает анализ источников, одной из первых крупных научных и научно-публицистических работ, в которых систематически употребляется слово “социология”, является произведение Лаврова “Исторические письма” (1868–1869). Он упоминает “социологию” более 35 раз в данной работе, отзываясь об этой науке почти исключительно в превосходных выражениях, что позволяет предположить его самоидентификацию как социолога (вероятно, первого в России). Показательно, что, подчеркивая научный статус социологии, П.Л. Лавров акцентирует внимание на ее “публичных” задачах: *“В рядах бунтовщиков против капиталистического строя не замедлили явиться борцы, опиравшиеся на все завоевания мысли предшествующих периодов, и фатально эта мысль в своем развитии ставила задачи все более острые и категорические. Она поставила задачу социологии как единой науки, как венца наук”* [Лавров, “Исторические письма”, письмо 16, 1965].

На этапе зарождения в 1870-х–1880-х гг. российская социология демонстрирует устойчивую ориентацию на участие в общественных преобразованиях, что проявилась в деятельности П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина и многих других. Вероятно, социология в России XIX в. может рассматриваться как органическое продолжение мощного интеллектуального и культурного движения, нацеленного на демократические социальные преобразования и впервые заявившего о себе в 1825 г. востанием декабристов.

В советское время ориентированность отечественных социологов на внеакадемические аудитории и стремление “изменить мир” не ослабевали. Как отмечал В.А. Ядов, руководитель одной из первых социологических лабораторий, созданных в Ленинграде в 1960-х, “уникальность советской социологии заключается, прежде всего, в том, что, будучи включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества, она стала важным фактором его реформирования и, в конечном счете, революционного преобразования” [Ядов, Гратхофф, 1994: 3]. В самом деле, советские социологи представляли общественности резонансные исследовательские результаты, которые зачастую ставили под сомнение достижения политического режима [Осипов, 2004: 28]. Показательно, что в своих мемуарах ученые сравнивали социологию с журналистикой [Димке, 2012: 104].

Постсоветская социология сохраняет выраженную публичную ориентацию [Горшков, 2012; Тощенко, 2013; Осипов, 2009]. По мнению Ж.Т. Тощенко, *“потребность в публичной социологии вызвана не просто желанием заявить о себе, сколько потребностями времени: обогащение общества научным анализом и научно-обоснованными рекомендациями”* [2013: 10].

В контексте замысла нашей работы мы не можем согласиться с пониманием “публичности” отечественной социологии, которое предлагает Л.Т. Николс (2012), один из ведущих зарубежных специалистов в области творчества российских социологов. На его взгляд, “публичный жанр” является стилистическим признаком, присущим российской интеллектуальной культуре, в целом, и характеризующим, в частности, деятельность П.А. Сорокина. Такое понимание роли “публичности” творчества П.А. Сорокина и российской социологии в целом (присущее, как показывает наш опыт, многим западным коллегам) не совсем корректно. Рассматривая в широком историческом контексте творчества социологов разных эпох (П.Л. Лавров, П.А. Сорокин, Ю.А. Левада и др.), “публичность” становится не столько стилистическим признаком, отвечающим на вопрос “Как?” [Nichols, 2012: 378], сколько содержательной характеристикой, связанной с фундаментальной проблемой “Зачем?”

Как показывает анализ современной литературы, вопрос “Зачем?” – камень преткновения не только для российского [Покровский, 2011], но и для международного социологического сообщества в XXI в. [Sorokin, 2016a]: дискуссии о целях и нормативных основаниях социологии как науки и форме деятельности не утихают, порождая новые и новые проекты “альтернативных социологий”, фрагментирующих международный дискурс (например, социологии “Глобального Юга” и “Глобального Севера” [Vessuri, 2015], проекты “партизанских социологий” [Niemonen, 2010], противостоящий им “академический мейнстрим” [Turner, 2005] и т.п.).

Именно таким образом мы видим первое направление релевантности российской социологической традиции для современного международного дискурса. Оно связано с общей фундаментальной проблемой: поиск оптимальных стратегий выстраивания взаимоотношений с внеакадемической средой (называемой за рубежом “публикой”) и определение конечных целей этих взаимоотношений.

Как отмечает Д.Г. Подвойский, основатели российской социологии, Лавров и Михайловский, могут рассматриваться как первые российские “публичные” социологи [Подвойский, 2009: 22]. Вместе с тем, на наш взгляд, опыт российской социологической традиции не только не вписывается в концептуальные рамки предложенной М. Буравым классификации видов социологической деятельности, но и ставит под сомнение всю его концепцию (см. [Sorokin, 2015]).

Исторический путь российской социологии кардинально отличен от “традиционной публичной социологии”, о которой говорит Буравой как о типичной для XIX и XX вв. форме коммуникации социолога с внешней средой. Согласно его мнению, для “традиционной публичной социологии” характерна пассивная модель, когда деятельность ученого не конституирует социальных движений [Burawoy, 2005]. Однако, как показывает наш анализ, российские социологи традиционно были ориентированы на непосредственное взаимодействие с конкретными социальными группами и даже на личное участие в общественных преобразованиях. Опыт российской традиции демонстрирует пример “органической публичной социологии”, которую Буравой, как бы “открывает” для западного мира и для которой характерно прямое вовлечение социолога в преобразующее мир коллективное социальное действие.

Такие социологи, как Лавров, Ковалевский, Сорокин, а после них – Ю. Левада, Г. Осипов, М. Горшков, Л. Дробизева и другие, не только пытались внести значительный вклад в общественное развитие, но и личным примером демонстрировали преимущества и “подводные камни”, связанные с движением по пути “органической публичной социологии”. С этой точки зрения, знакомство с опытом российской социологической традиции может быть особо ценным для мирового социологического сообщества в современных условиях. В этой тематике – перспектива международного диалога, в котором российские социологи могут занять достойное место.

Морально-этическая заостренность. Российская социальная мысль традиционно высоко-чувствительна к этическим проблемам, пронизывающим общество. Существующий, как минимум, с XIX в. разрыв между гуманистическими идеалами ученых и реалиями жизни

большинства населения страны сформировал сильное чувство морального долга в сообществе социологов, нередко ощущаемое и сегодня.

Особое звучание морально-этической проблематики в российской социологической традиции заставляет ученых задумываться над нравственными основаниями собственной деятельности. П.Л. Лавров одним из первых в мировой социологии поставил проблему сомнительности “само собой разумеющихся” нравственных представлений при рассмотрении социальных явлений: “Все верующие в безусловную непогрешимость своего нравственного мирозерцания хотели бы себя уверить, что не только для них, но и само в себе важнее лишь то в историческом процессе, что имеет ближайшее отношение к основам этого мирозерцания. Но, право, пора бы людям мыслящим усвоить себе очень простую вещь: что различие важного и неважного, благодетельного и вредного, хорошего и дурного – суть различия, существующие лишь для человека, а вовсе чуждые природе и вещам самим в себе” [Лавров, “Исторические письма”, письмо 2, 1965]. Михайловский придавал новый импульс “субъективному методу” в социологии, доказав, что социальные феномены и даже “общественный прогресс” не могут быть оценены иначе, кроме как субъективно [Михайловский, 1922; Виленская, 1979]. На фоне позитивизма, доминировавшего во второй половине XIX – начале XX в. в западной социологии, идеи Лаврова и Михайловского существенно опережали время. Отчасти из-за этого указанные авторы не стали частью международного дискурса той эпохи и малоизвестны за рубежом до сих пор.

На следующем этапе, в советское время, разработка этической проблематики была поставлена под строгий идеологический контроль. Это повысило остроту морально-нравственных вопросов: социология стала рассматриваться как “эмоциональный заменитель” для идеологии [Ольшанский, 1994]. “Перестройка” принесла в общество беспрецедентную свободу морального и идеологического выбора, вызвав резкую фрагментацию социологического сообщества. Именно идеологический фактор сыграл важную роль в профессиональной дезинтеграции российских социологов: политические предпочтения (не только научные взгляды) и сегодня остаются фактором, разделяющим современных социологов на противоборствующие группы [Радаев, 2013: 15].

В современной международной литературе дискуссии о роли и месте этической проблематики в социологической практике занимают важное место, особенно в контексте обсуждений участия социологов в общественных преобразованиях [Turner, 2005; Nichols, 2009]. Основной вопрос этих дискуссий можно сформулировать так: могут (и должны ли) социологи оставаться “ценностно-нейтральными”, наблюдая радикальные изменения в обществе, затрагивающие миллионы человеческих жизней? “...моральный долг – один из элементов социологии как признания. Другой элемент – это социология как наука” [Burawoy, 2014: 279]. Опыт российской социологии показывает, что в драматические исторические периоды крайне сложно сохранять ценностную нейтральность. Более того, так называемая “этическая компетенция” становится особо необходимой для социологического исследования именно в эпоху, когда различные, порой противоречивые моральные системы и картины мира чаще и острее сталкиваются друг с другом и переплетаются. Также российский опыт крайне важен в демонстрации того, что моральная позиция социолога не должна сводиться к политической идеологии, напротив, ее следует базировать на фундаментальных этических основаниях, в проработку которых существенный вклад внес, в частности, П.А. Сорокин (см. [Сорокин, 1992; Jeffries, 2005; Nichols, 2012]).

Таким образом, современный международный “мейнстрим” может существенно выиграть от пересмотра существующих “самоочевидных” западно-центристских этических паттернов социологической практики перед лицом глобальных вызовов в сфере морали и духовности [Bhambra, 2014]. Помочь ему в этом, на наш взгляд, могут российские социологи.

Проблемная ориентация. В ситуации, когда социологическое знание морально насыщено и ориентировано в значительной степени на внеакадемические аудитории, вопросы исследовательской методологии приобретают своеобразную окраску: ученые начинают интересоваться не только “правда-знание”, но и “правда-справедливость” [Walicki, 2010: 102]. Особенно остро это проявляется в эмпирических исследованиях с их непосредственным контактом с живой социальной реальностью, а значит соприкосновением с проблемами и тревогами общества. Выше показано,

что для российской социологической традиции характерно восприятие своей “миссии” как помощи в разрешении острых социальных проблем (см. также [Батыгин, 1998; Радаев, 2013; Nichols, 2012]). Поэтому отечественным эмпирическим исследованиям зачастую свойственно стремление не столько соблюдать строгие методологические стандарты, обеспечивающие объективную доказательность добываемых данных, сколько желание максимально ясно и живо продемонстрировать ту или иную заранее предполагаемую ученым “социальную болезнь” через призму определенной моральной позиции. Отсюда вытекают гибкие методические приемы, типичные для российской социологии. Однако это привело к тому, что многие социологи привыкли полагаться на авторские инструментариумы при проведении эмпирических исследований [Радаев, 2013]. Это неизбежно ведет к проблемам с валидностью и достоверностью получаемых данных и ограничивает возможности сопоставления между собой результатов исследований разных авторов.

Данная проблема хорошо прослеживается на примере мировой истории нашей науки в XX в. В 1930-х–1940-х гг. западная (прежде всего, американская) социология активно и демонстративно перенимала методологические принципы естественных наук ради утверждения “научности” социологии как “точной” науки [Smith, 1994]. Результатом этого стало резкое возрастание значения “точности метода” в исследовательской практике (подразумевается один вид доказательности – основанный на количественном анализе) по отношению к содержательной важности изучаемых проблем [Миллс, 1998 (1959)]. Указанное “методологическое подавление” (“ингибция” [Gane, 2011: 159]) иных методологических программ, кроме основанных на заимствованном узком наборе естественно-научных инструментов, остается значимым маркером развития западного “мейнстрима” сегодня, ограничивая его возможности и перспективы.

Советская социология не стала (и, возможно, в принципе не могла) строго следовать западному профессиональному сообществу в этом естественнонаучном “методологическом повороте”. В условиях специфического политического контекста советские социологи имели меньшие возможности для эмпирических исследований. Идеологически заданное позиционирование социологии в русле марксистской философии сыграло свою роль: даже в 1960-е гг. социологи, организующие масштабные эмпирические проекты, в академическом сообществе нередко пренебрежительно назывались “собирающими факты” и обвинялись в “позитивизме” [Осипов, 2004: 26].

Органической частью нового международного академического “мейнстрима”, формирующегося под северо-американским влиянием, не смогли стать не только наши соотечественники, работавшие на Родине, но и виднейший представитель российской социологической традиции, вынужденно уехавший за рубеж (в США), – П.А. Сорокин. Как показал Л.Т. Николс, обращение Сорокина в середине XX в. к проблематике любви, сексуального поведения и семейных взаимоотношений (в чем он видел корень кризиса современного ему общества), было воспринято американскими коллегами как “конфуз” для дисциплины, которая ценой больших усилий только-только получила признание и полноценный научный статус [Nichols, 2012: 399]. За последовательность в разработке авторских концепций, независимо от доминирующей методологической моды, П.А. Сорокину пришлось дорого заплатить: в 1940-х–1950-х гг. нарастает его отчуждение от академического сообщества; профессиональная карьера в Гарвардском университете встречает серьезные препятствия.

В современной российской социологии во многом сохраняется приоритет “проблемы” (“объекта”) над “методом”. Избыточный акцент на острых, но общеизвестных социальных проблемах может иметь существенные негативные последствия для методологической корректности социологического исследования. Российские социологи нередко воспроизводят свойственные советскому времени ориентации скорее на сбор новых эмпирических данных, нежели на детальное и скрупулезное изучение имеющейся информации с применением современных продвинутых инструментов анализа (подробнее см.: [Радаев, 2013: 16]). Очевидно, это важное препятствие для интеграции российской социологии в международный “мейнстрим”, который требователен именно к доказательности анализа эмпирических данных.

По мнению Н.В. Романовского, недостаточная квалифицированность многих российских социологов в области количественной методологии остро ставит проблему “неприемлемости непрофессионализма” в отечественном социологическом сообществе [Романовский, 2012: 42]. На этом фоне показателен скептицизм уважаемых российских социологов по поводу сложившегося в среде современных (особенно молодых) коллег представления, что “нажатие кнопки компьютера решит за них социологическую проблему” [Толстова, 2013: 59].

История российской социологии ярко иллюстрирует опасности, связанные с определенным противоречием между ориентациями на “проблему” или на “метод” в социологической практике. С одной стороны, строго заданная методологическая схема может быть недостаточно чувствительна к “реальным” социальным проблемам. Зарубежные авторы отмечают данную “болезнь” мировой социологии [Back, 2012; Gane, 2011; Mironenko, Sorokin, 2015], которую иронично характеризовал П. Сорокин еще в 1950-х гг. как “нумерологию” и “квантофрению” (подробнее см. [Sorokin, 2015]). С другой стороны, чрезмерный фокус на “проблеме” чреват недооценкой важности методологической корректности. Проблема баланса между этими двумя исследовательскими ориентациями – на наш взгляд, еще одно перспективное направление теоретико-методологического диалога отечественных социологов и их зарубежных коллег.

Заключение. Мы предложили понимание российской социологии как длительной и цельной традиции социальной мысли, объединенной несколькими ключевыми характеристиками:

(1) *Публичность* (ориентация на внеакадемические аудитории и стремление способствовать изменениям в реальном мире). Последовательно “публичная” социологическая практика, которую демонстрирует российская традиция, беспрецедентна для других стран. Практически ни в одном обществе, имеющим длительную историю развития социального знания, социологи не оставили столь сильного следа, как в российском. Это делает актуальным участие российских социологов в международных дискуссиях вокруг проблем взаимодействия академического сообщества с внешней средой, которые обострились в мировой науке в последние годы.

(2) *Морально-этическая заостренность* (выражение ценностной позиции по изучаемым проблемам общественной жизни, особое значение и глубокая проработка этических вопросов). Опыт российской социологической традиции показывает: моральное суждение и этическое понимание проблемы могут являться неотъемлемой частью научной работы и исследовательской методологии. Современный международный “мейнстрим” нуждается в пересмотре “самоочевидных” аксиоматических нравственных систем координат и этических оснований социологической практики перед лицом вызовов, которые формулирует глобализация в области морали (пример – проблемы терроризма). В этих условиях востребован вклад российских социологов.

(3) *Проблемная ориентация* (“практическая актуальность” исследуемого вопроса определяет “метод” в социологическом исследовании). История российской социологии демонстрирует гряду “подводных камней”, связанных со сложным противоречивым взаимоотношением между “проблемой” и “методом” в социологической практике. Строгая методологическая схема может быть недостаточно чувствительна к острым проблемам социального мира, но чрезмерный акцент на “проблеме” чреват недооценкой важности методологической корректности и доказательности добываемого знания.

Предложенный анализ российской социологии не претендует на исчерпывающее исследование особенностей, достоинств и проблем, которые прослеживаются сквозь полуторазековую историю этой дисциплины в нашей стране. Скорее, это попытка предложить такой “образ” отечественной социологической традиции, который наиболее релевантен проблемам, занимающим зарубежное научное сообщество. Можно полагать, что теоретико-методологическая разработка выделенных областей особенно перспективна с точки зрения содержательного вклада современных российских социологов в мировую социологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // *Социология в России* / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИСПАН, 1998.
- Виленская Э.С. Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М.: Наука, 1979.
- Горшков М.К. Общество–социология–власть: к вопросу о взаимодействии // *Социологические исследования*. 2012. № 7. С. 23–28.
- Димке Д.В. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // *Социологические исследования*. 2012. № 6. С. 97–106.
- Лавров П.Л. *Философия и социология: избранные произведения в двух томах*. М.: Мысль, 1965. Т. 1.
- Миллс Ч.Р. *Социологическое воображение*. М., 1998.
- Михайловский Н.К. Что такое прогресс? Пг: Колос, 1922.
- Ольшанский В.Б. Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума 23 марта 1994 г. М., 1994. С. 61–62.
- Осипов Г.В. Возрождение российской социологии (60–90-е годы XX века): страницы истории // *Социологические исследования*. 2004. № 2. С. 24–30.
- Осипов Г.В. Отечественная социология: история и современность // *Социологические исследования*. 2009. № 3. С. 8–15.
- Подвойский Д.Г. “Публичная социология” в прошлом и настоящем: уточнение координат // *Социологические исследования*. 2009. № 5. С. 13–23.
- Покровский Н.Е. “Пациент отказался от госпитализации”, или В защиту социологии // *Социологический ежегодник 2011* / Вып. 3. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 45–47.
- Радаев В.В. Российская социология в поисках своей идентичности // *Социологические исследования*. 2013. № 7. С. 3–17.
- Романовский Н.В. Качество социологического знания (заметки редактора) // *Социологические исследования*. 2012. № 5. С. 39–47.
- Сорокин П.А. Моя философия–интегрализм // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 134–139.
- Тирикьян Э.А. Осовременивание Сорокина // *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 13–23.
- Толстова Ю.Н. Возросла ли эффективность методов социологических исследований в России за последние 100 лет? // *Социологические исследования*. 2013. № 7. С. 59–69.
- Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 3–13.
- Эфендиев А.Г., Сорокин П.С., Балабанова Е.С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов // *Социологические исследования*. 2015. № 9. С. 36–49.
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Сорокин П.С. Идентичность и профессиональная культура отечественной социологии: опыт библиометрического анализа // *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 45–54.
- Ядов В.А., Гратхофф Р. Предисловие // *Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность*. Материалы симпозиума. М., 1994. С. 3–5.
- Back L. Live sociology: social research and its futures // *Sociological Review*. 2012. Vol. 60. No. 1: 18–39.
- Bhambra G.K. *Connected sociologies*. Bloomsbury Publishing, 2014.
- Burawoy M. Sociology as a vocation: Moral commitment and scientific imagination // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 2: 279–284.
- Burawoy M. Presidential Address: For Public Sociology // *British Journal of Sociology*. 2005. Vol. 56. V. 2: 259–294.
- Davis H., Erofeev S. Reframing society and culture in post-Soviet Russia // *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10. No. 5: 710–734.
- Efremenko D., Evseeva Y. Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends // *American Sociologist*. 2012. Vol. 43. No. 4: 349–365.
- Gane N. Measure, value and the current crises of sociology // *Sociological Review*. 2011. Vol. 59. No. 2: 151–173.
- Jeffries V. Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology // *American Sociologist*. 2005. Vol. 36. No. 3–4: 66–87.
- Krotov P. Pitirim Sorokin studies in Russia in the context of the new section on altruism, morality, and social solidarity in the American Sociological Association // *American Sociologist*. 2012. Vol. 43. No. 4: 366–373.
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. Culture in psychology: Perennial problems and the contemporary methodological crisis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. Vol. 8. No. 4: 35–45.
- Mosbah-Natanson S., Gingras Y. The globalization of social sciences? Evidence from a quantitative analysis of 30 years of production, collaboration and citations in the social sciences (1980–2009) // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. No. 5: 626–646.

- Niemonen J. Public sociology or partisan sociology? The curious case of whiteness studies // *American Sociologist*. 2010. Vol. 41. No. 1: 48–81.
- Nichols L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of an historically rooted sensibility // *American Sociologist*. 2012. Vol. 43. No. 4: 374–405.
- Nichols L.T. Public sociology: problematics, publicity, and possibilities // *American Sociologist*. 2009. Vol. 40. No. 4: 233–234.
- Smith M.C. Social Science in the Crucible the American Debate Over Objectivity and Purpose, 1918–1941 // *Academe*. 1996. Vol. 82. No. 1 (Jan. – Feb.): 69–71.
- Sorokin P. The Russian Sociological Tradition from the XIXth Century Until the Present: Key Features and Possible Value for Current Discussions // *American Sociologist*. 2015. Vol. 46. No. 3: 341–355.
- Sorokin P. 'Global sociology' in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // *Current Sociology*. 2016. Vol. 64. No. 1: 41–59.
- Sorokin P. Vision and Mission of Sociology: Learning from the Russian Historical Experience // *American Sociologist*. 2016. Doi: 10.1007/s12108-016-9303-3
- Turner J.H. Is public sociology such a good idea? // *American Sociologist*. 2005. Vol. 36. V. 3–4: 27–45.
- Valsiner J. A guided science: History of psychology in the mirror of its making. Transaction Publishers, 2012. Vol. 1.
- Vessuri H. Global social science discourse: A Southern perspective on the world // *Current Sociology*. 2015. Vol. 63. No. 2: 297–313.
- Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging political Sociology in Russia and Russian transformation // *Current Sociology*. 1996. Vol. 44. No. 3: 40–52.
- Walicki A. Milestones and Russian intellectual history // *Studies in East European Thought*. 2010. Vol. 62. No. 1: 101–107.

Статья поступила: 28.12.2015. Принята к печати: 13.05.16.

Russian sociological tradition in the context of international discourse: specific features, problems, and perspectives

SOROKIN P.S.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Pavel S. SOROKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (psorokin@hse.ru).

Abstract. Is there anything in the professional heritage of Russian sociology, which may be considered a certain "competitive advantage", of the Russian sociological community in its dialogue with foreign colleagues? Addressing this problem, we elaborate a comprehension of Russian sociology as a continuing and integrative tradition of social thought development, unified by a set of underlying common features: (1) publicism; (2) moral and ethical concern; (3) problem orientation. Contemporary Russian sociologists often tend to see these characteristics as obstacles to integration process in international arenas with their more rigorous methodological standards and more independent academic sphere. However, literature analysis demonstrates that attempts to make sociology an as "hard" science as possible, become increasingly questionable. The outlined three features are particularly important, for seeing the opportunities of Russian scholars to make valuable contribution to the global sociology in its response to the issues discussed by the foreign authors.

Keywords: Russian sociology, international sociology, public sociology, methodology in sociology, history of sociology

REFERENCES

- Back L. (2012) Live sociology: social research and its futures // *Sociological Review*. Vol. 60. No. 1: 18–39.
- Batygin G.S. (1998). *Preemstvennost' rossijskoj sociologicheskoy tradicii* [The Continuity of the Russian sociological tradition]. In: *Sociologija v Rossii* [Sociology in Russia]. Ed. V.A. Jadov. M.: ISRAS (In Russ.)
- Bhambra G.K. (2014) *Connected Sociologies*. Bloomsbury Publishing.
- Burawoy M. (2014) Sociology as a vocation: Moral commitment and scientific imagination. *Current Sociology*. Vol. 62. No. 2: 279–284.
- Burawoy M. (2005). Presidential Address: For Public Sociology. *British Journal of Sociology*. Vol. 56. No. 2: 259–294.
- Davis H., Erofeev S. (2011) Reframing society and culture in post-Soviet Russia. *Comparative Sociology*. 2011. Vol. 10. No. 5: 710–734.
- Dimke D.V. (2012) Klassiki bez klassiki: social'nye i kul'turnye istoki stilja sovetskoj sociologii [Classic without classics: social and cultural origins of soviet sociology style]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 97–106. (In Russ.)
- Efendiev A.G., Sorokin P.S., Balabanova E.S. (2015) Osnovnye problemy razvitiya rossijskih i zarubezhnyh sociologicheskikh zhurnalov. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 36–49. (In Russ.)
- Efendiev A.G., Balabanova E.S., Sorokin P.S. (2016) Identichnost' i professional'naja kul'tura otechestvennoj sociologii: opyt bibliometricheskogo analiza. [Identity and professional culture of Russian sociology: a bibliometric analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 45–54. (In Russ.)
- Efremenko D., Evseeva Y. (2012) Studies of social solidarity in Russia: tradition and modern trends // *American Sociologist*. Vol. 43. No. 4: 349–365.
- Gane N. (2011) Measure, value and the current crises of sociology. *Sociological Review*. Vol. 59. No. 2: 151–173.
- Gorshkov M.K. (2012) Obshhestvo–sociologija–vlast': k voprosu o vzaimodejstvii [Society–sociology–state powers: on the question of interaction]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies] No. 7: 23–28. (In Russ.)
- Jeffries V. (2005) Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology. *American Sociologist*. Vol. 36. No. 3–4: 66–87.

- Krotov P. (2012) Pitirim Sorokin studies in Russia in the context of the new section on altruism, morality, and social solidarity in the American Sociological Association. *American Sociologist*. Vol. 43. No. 4: 366–373.
- Lavrov P.L. (1965) *Filosofija i sociologija: izbrannye proizvedenija v dvuh tomah* [Philosophy and Sociology: Selected Works in Two Volumes]. M.: Mysl', 1965. T. 1. (In Russ.)
- Mihajlovskij N.K. (1922) *Čto takoe progress?* [What is progress?] Pg: Kolos. (In Russ.)
- Mills Ch.R. (1998) *Sociologičeskoe voobrazhenie* [The Sociological Imagination]. (In Russ.)
- Mironenko I.A., Sorokin P.S. (2015) Culture in psychology: Perennial problems and the contemporary methodological crisis. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 8. No. 4: 35–45.
- Mosbah-Natanson S., Gingras Y. (2014) The globalization of social sciences? Evidence from a quantitative analysis of 30 years of production, collaboration and citations in the social sciences (1980–2009). *Current Sociology*. Vol. 62. No. 5: 626–646.
- Nichols L.T. (2012) Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of an historically rooted sensibility. *American Sociologist*. Vol. 43. No. 4: 374–405.
- Nichols L.T. (2009) Public sociology: problematics, publicity, and possibilities. *American Sociologist*. Vol. 40. No. 4: 233–234.
- Niemonen J. (2010) Public sociology or partisan sociology? The curious case of whiteness studies. *American Sociologist*. Vol. 41. No. 1: 48–81.
- Ol'shanskij V.B. (1994) *Rossijskaja sociologičeskaja tradicija shestidesjatyh godov i sovremennost'* [Russian sociological tradition of the sixties and the present] *Materialy simpoziuma 23 marta 1994 g.* [The proceedings of the Symposium. March 23, 1994] Moscow. P. 61–62. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2004) *Vozroždenie rossijskoj sociologii (60–90-e gody XX veka): stranicy istorii* [the Revival of Russian sociology (60–90-ies of XX century): page history]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 24–30. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2009) *Otechestvennaja sociologija: istorija i sovremennost'* [Russian sociology: history and modernity]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 8–15. (In Russ.)
- Podvoiskij D.G. (2009) "Publichnaja sociologija" v prošlom i nastojashhem: utočnenie koordinat ["Public sociology", past and present: coordinate]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 13–23. (In Russ.)
- Pokrovskij N.E. (2011) "Pacient otkazalsja ot hospitalizacii", ili v zashitu sociologii ["The patient refused hospitalization," or in defense of sociology]. In: *Sociologičeskij ezhegodnik 2011*. [Sociological Yearbook 2011]. Vol. 3. M.: INION RAN. P. 45–47. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2013) *Rossijskaja sociologija v poiskah svoej identičnosti* [Russian sociology in search for its identity]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–17. (In Russ.)
- Romanovskij N.V. (2012) *Kachestvo sociologičeskogo znanija (zametki redaktora)* [Quality of sociological knowledge (editor's notes)]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 39–47. (In Russ.)
- Smith M.C. (1994) Social Science in the Crucible the American Debate Over Objectivity and Purpose, 1918–1941.
- Sorokin P. (2015) The Russian Sociological Tradition from the XIXth Century Until the Present: Key Features and Possible Value for Current Discussions. *American Sociologist*. Vol. 46. No. 3: 341–355.
- Sorokin P. (2016) 'Global sociology' in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives. *Current Sociology*. Vol. 64. No. 1: 41–59.
- Sorokin P. (2016) Vision and Mission of Sociology: Learning from the Russian Historical Experience. *American Sociologist*. Doi: 10.1007/s12108-016-9303-3.
- Sorokin P.A. (1992) *Moja filosofija–integralizm* [My philosophy–integralism]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 134–139. (In Russ.)
- Tirikiyan E.A. (2016) *Osovremenivanie Sorokina* [Updating Sorokin]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 13–23. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (2013) *Vozroslo li jeffektivnost' metodov sociologičeskikh issledovanij v Rossii za poslednie 100 let?* [Has research methods effectiveness grown in Russian sociology for the last 100 years?]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 59–69. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2013) *Novye tendencii v razvitii rossijskoj sociologii* [New trends in the development of Russian sociology]. *Sociologičeskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–13. (In Russ.)
- Turner J.H. (2005) Is public sociology such a good idea? *American Sociologist*. Vol. 36. No. 3–4: 27–45.
- Valsiner J. (2012) A guided science: History of psychology in the mirror of its making. *Transaction Publishers*. Vol. 1.
- Vessuri H. (2015) Global social science discourse: A Southern perspective on the world. *Current Sociology*. Vol. 63. No. 2: 297–313.
- Vilenskaja Je.S. (1979) *N.K. Mihajlovskij i ego idejnaja rol' v narodničeskom dvizhenii 70-h – nachala 80-h godov XIX veka* [N.K. Mihajlovskij and his Ideological Role in the Populist Movement of the 70s-early 80-ies of the XIX Century]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Voronkov V., Zdravomyslova E. (1996) Emerging political sociology in Russia and Russian transformation. *Current Sociology*. Vol. 44. No. 3: 40–52.
- Walicki A. (2010) Milestones and Russian intellectual history. *Studies in East European Thought*. Vol. 62. No. 1: 101–107.
- Yadov V.A., Grathoff R. (1994) *Predislovie* [Preface]. In: *Rossijskaja sociologičeskaja tradicija shestidesjatyh godov i sovremennost'*. *Materialy simpoziuma* [Russian sociological tradition of the sixties and the present. The proceedings of the Symposium]. Moscow. P. 3–5. (In Russ.)

Received: 28.12.2015. Accepted: 13.05.16.